

Игуменья Серафима: "Я читала Машу и видела в ней себя"

«Я игуменья с душой послушницы», — говорит о себе настоятельница Одесского Архангело-Михайловского женского монастыря игуменья Серафима (Шевчик). 35 лет — в монашестве, из которых 15 лет была послушницей и более 20 лет возглавляет знаменитый монастырь в самом центре Одессы.

До сих пор матушке снится, что она на кухне подметает пол, моет грязную посуду и испытывает чувство вины за непослушание.

Почему в монастыре нужно работать до изнеможения, что будет, если исповедовать помыслы настоятельнице, и как удержать сто женщин в четырех стенах, если за окном кипит жизнь во всех её проявлениях — об этом и многом другом наш разговор.

«15 лет послушничества дают мне право говорить»

— Матушка, мы договаривались, что беседа наша будет максимально откровенной. Потому что вопросов множество. Вы готовы?

— Да, спрашивайте. Читая исповедь Маши, я вспомнила свою жизнь. Она, эта девушка — во многом мой портрет. Я была очень строптивой. Правда, есть то, что нас отличает: я бесконечно любила свой монастырь. Хотя страдала от собственного характера точно так же, как она. Надо сказать, что я постоянно находила какие-то острые углы, сама их себе создавала своим жёстким неуступчивым характером, но в то же время настолько любила монашеский образ жизни, что все искушения казались мелкими против того главного, что жило в моей душе — огромной любви к монастырю.

— Чего не хватало Маше, чтобы всё вынести? Да и надо ли было это всё терпеть?

— Не хватало, на мой взгляд, призвания. Монашество — это добровольное мученичество, не все могут этот крест понести. Нужна особая благодать Божия.

— В обсуждении этой темы люди пишут, что община первых христиан была настолько полна любви, мира и радости, что это привлекало к ним всех. Господь заповедовал ученикам Своим быть в мире и любить друг друга. Для христиан это — главная заповедь. Описанное в «Исповеди» далеко от этого идеала!

— Несогласия в человеческих коллективах были во все времена. В некоторых посланиях апостолы упоминали о своих разногласиях с членами общины. Уже тогда их последователи начали разделяться: один говорил «я Павлов», другой — «я Аполосов», третий — «я Кифин» (то есть «я Петров»). А четвертый — «я Христов». И уже тогда Павел к ним обращался с увещательными письмами.

Тем более, он писал, что разногласия, в принципе, «должны быть между вами», чтобы «открылись искусные». То есть апостол Павел на разногласия смотрел спокойно, считая, что это естественный ход развития любой общины, любого сообщества, даже христианского.

Но, говоря об «Исповеди бывшей послушницы», прочтя всё это множество обвинений в сторону матушки игуменни и сестер, мне бы не хотелось их осуждать. Потому что пока всего не узнаешь, не сможешь вынести правильного суждения. Тем более — находясь за тысячи километров. И тем более — исходя из слов только одного человека.

Я не прокурор и судить не собираюсь. Просто, исходя из собственного 35-летнего опыта монашеской жизни, из которых 15 лет была послушницей, считаю, что могу смиренно что-то сказать, что-то объяснить.

Чтобы жить в монастыре, приходилось работать уборщицей в больнице

В монастырь поступила в начале 1981 года, на Сретение Господне. Мне было 17 лет.

Приехала к игуменни, попросилась в обитель, она меня приняла.

— Сразу в Одессу приехали?

— Нет, в киевский Покровский монастырь. Абсолютно мирская девочка, вчерашняя ком-

сомолка, я попала в совершенно закрытый патриархальный мир, где всё кардинально отличалось от того, где я жила раньше. И разных искушений, ситуаций нестандартных было чрезвычайно много.

Случались и конфликты... Характер у меня был непослушный, строптивый, я всегда имела собственное суждение. Вот и доставалось.

Порядки у нас в монастыре были очень строгие, но, тем не менее, я по монастырю не ходила — летала от счастья. Сама этого не замечала, пока одна пожилая монахиня не спросила у моей знакомой послушницы: «Подскажи: как мне Надю найти?» (Надежда — моё имя до пострига.) «Какую Надю?» — та спрашивает. Монахиня отвечает: «А ту, которая все время улыбается».

Когда послушница мне об этом сказала, я присмотрелась, и действительно — да, хожу, и улыбаюсь на всё лицо. Счастье из меня буквально «пёрло». И это состояние, слава Богу, сохраняется до сего дня. Никогда ни одной минуты и ни одной секунды не пожалела, что избрала этот путь.

— Прочитавшему «Исповедь» может показаться, что описанные там жуткие порядки существуют во всех женских монастырях. Скажите, от чего реально страдают женские закрытые коллективы?

— Начну с игуменни, потому что в монастыре она определяет всё.

Игуменней в Покровском монастыре была матушка Маргарита (Зюкина), духовная дочь глиняных старцев. У нас был чрезвычайно строгий устав. Шаг вправо, шаг влево — сразу изгнание из монастыря.

Но это было советское время. Вообще все годы моей жизни в Покровской обители приходились на советский период. И по тогдашним законам проживали мы в монастыре нелегально. Каждый месяц нас проверяли органы КГБ. Приезжали, устраивали облавы. Всех девушек ловили в буквальном смысле слова, как на охоте, сафари за нами устраивали. И матушке Маргарите приходилось устраивать нас в обитель, принимая на работу как повара, дворников, уборщиц.

У меня хранится документ за 1981 год, в котором значится, что я принята в монастырь в качестве дворника.

— Ничего себе!

— Да, что мне выдан инвентарь: метла, ведро, еще что-то. Я распилась, что обязуюсь его хранить, технику безопасности соблюдать. Даже стала членом профсоюза...

В советское время в монастырях не давали прописку лицам до 60 лет. Пытались таким образом маргинализировать монастыри, сделать их пристанищем бабушек, практически богачками, и крайне ограничивали приток новых людей, новых послушниц.

Матушка нестандартным образом решила этот вопрос: она брала нас под видом рабочих. И параллельно мы должны были где-то прописываться, ради чего искать работу в Киевской области или в Киеве. Паспортный режим тогда соблюдался очень строго, вплоть до тюремного заключения. Временную прописку лимитчикам давали на самых тяжелых работах. И молодые сестры, трудясь в монастыре, вынуждены были работать в больницах, на стройках, в колхозах. Ведь среди нас киевлянок было очень мало. В Покровском подвизалась молодежь из самых разных мест Советского Союза.

И знаете, что было для нас самое тяжелое? Не то, что сейчас Маша пишет — её скорби несоизмеримы с нашими тогдашними... Самая страшная скорбь — выйти из монастыря в мир.

Понимаете, я раньше никогда платочки не носила, в советское время — какие платочки? А тут ты в 18 лет выходишь в косыночке, в платье с длинным рукавом, на тебя все глаза пялят. Попадаешь в коллектив, где все спрашивают: «Что это у тебя такой постный вид? Что это ты крестик носишь?» Нас привлекали в мирских учреждениях презрением и обструкцией, мы были изгоями.

От облав КГБ мы прятались по монастырским подвалам, чердакам, как мыши по норам. Проверяющие врывались в каждую келию, отмечали количество живущих. Мы даже на нормальных кроватях не спали, потому что в любой момент могли прийти представители власти и по их количеству вычислить реальное число насельниц. Я, помню, спала на огромном кожаном диване, допотопном, XIX века. И самое смешное, когда впервые на нём, так сказать, опочила, проснулась вся в каких-то красных пятнах. Встаю и говорю послушницам, девочкам, которых со мной еще пять было: «Что это такое?» Они смеются: «А это клопы».

Но, вы знаете, нас невозможно было из монастыря выгнать! Помню, одна сестра прощтрафилась. Матушка игуменья сказала ей

собирать вещи и уходить. Подумаешь, всего то — уйти из монастыря! Не причастия лишит (кстати, насколько я знаю, лишит причастия может только архиерей). Помню, как сестра эта валялась у нее в ногах и просила: «Матушка, оставьте меня».

— За что такое может быть?

— Всякое бывало... И меня тоже наказывали. Как-то раз игуменья благословила бить поклоны — при всех в трапезной. Сестры кушали, а я била поклоны. И ещё несколько раз такое было. Либо в церкви, либо в трапезной, все молятся или едят, а ты лупишь и лупишь эти поклоны.

Все эти трудности составляли, я бы сказала, двадцатую часть того, что казалось негативным. Тяжелее всего было другое.

Мы изнемогали от духовных искушений: ты ушла из мира, чего-то недопонимаешь, что-то не доходит, часто нападает уныние. Но в Покровском были старицы еще царского времени, высокодуховные, особой закалки. Мы, неоперившаяся зелень, очень любили с ними общаться. От них шла величайшая благодать, такая любовь, такая радость! Они могли всегда дать мудрый совет.

Никогда не забуду первого своего дня в обители. Иду по территории — в красном пальто, вся такая, как поет Данилко, «в Дольче Габбана». Вот и я «вся такая», 17-летняя, в пальто модном... Навстречу ковыляет старушка-монахиня, несёт из трапезной кастрюльку. «Матушка, позвольте вам помочь». Она на меня снизу вверх посмотрела: «Деточка, ты в монастырь пришла?» — «Да».

— Хочешь, я дам тебе совет?

И она сказала слова, которые я запомнила на всю свою жизнь:

«Старайся всегда в течение дня кому-то сделать добро. Каждому. Старайся, чтобы тебе сказали «спасибо», «спаси Господи». Очень опасайся причинить кому-то боль. И не дай Бог сделать кому-то зло, потому что даже кривой взгляд, не просто укор, а кривой взгляд в твою сторону уже будет для тебя иметь последствия, ты за это будешь нести... — как же она сказала... — искупление. А когда ты будешь делать людям добро, когда они будут говорить тебе «спасибо», «спаси Господи», тебе будет от этого хорошо».

Вы знаете, она мне этими словами будто матрицу какую вставила. И с тех пор я старалась неуклонно этого принципа придерживаться. Допустим, кто-то накричал или что-то не то сказал: женский коллектив, всякое бывает, тем более — я со своим строптивым характером часто давала повод. Но, помня ее слова, сдерживалась изо всех сил. Не будучи краткой и смиренной, стиснув зубы, не шла на конфликт.

Когда меня уже перевели в Одессу, пришлось по каким-то делам прибыть в Покровский. Собралось много моих подруг — сестер, с которыми столько лет вместе прожили. Веселое щебетанье, ведь мы уже какое-то время не общались, с каждой хотелось о чем-то поговорить. А сбоку стояла одна сестра, такая молчаливая, скромная. И вдруг я слышу ее тихие слова: «Вот человек, который в монастыре никогда никому не сделал зла...» Я сделала вид, что не услышала, но меня эта оценка заставила задуматься.

Как важно в самом начале монашеского пути встретить наставление в Духе Святом! Твердо убеждена, что получила таковое.

Свой дневник послушницы теперь перечитываю уже как игуменья

— Сколько вы прожили в Покровском?

— 11 лет.

— А постриг где принимали?

— В Одессе.

— Почему не в Покровском?

— Потому что в Покровском был такой обычай — постригали очень осторожно, после 30 лет жизни в монастыре.

— 30 лет?!

— Да. Матушка игуменья наша была великая, величайшая старица, она постригала с большой осторожностью.

Признаюсь, я тогда вела дневник. Он и сейчас хранится у меня — несколько толстых тетрадей по 40 копеек. Подробнейшим образом всё записывала. Причем новоназначной послушницей заносила в него много цитат из святых отцов, целые абзацы того же Иоанна Лествичника.

Но «что далее, то хуже» («Горе от ума»). С годами святые отцы в дневнике сменились бытовухой. Недавно перечитала и заметила

— поучения потеснили записи о каких-то мелких повседневных вещах, кто куда посмотрел, куда пошел, что спели на клиросе и т. д. То есть мой дневник превратился в такую книгу Маши, где очень мало духа, а всё плоть, и плоть, и плоть.

Сейчас читаю — и самой смешно: матушка игуменья такая-пересыкая... В дневнике она ужасная, строгая, даже жестокая. Здесь с Машей мы близнецы-сестры.

Теперь, будучи игуменней, прокручиваю, анализирую и прихожу к выводу — неутешительно или утешительно, как знать — что на месте матушки Маргариты я бы поступила точно так же!

Понимаете, у игуменни одна система координат, у послушницы — другая. Действительно: это повод для противоречий.

Как-то к патриарху Тихону, священномученику, священноисповеднику, приехал один батюшка, который стал на всё жаловаться. Говорил, что надо бороться с властью, идти вопреки большевикам. Выражал довольно радикальные мысли и сетовал, почему Патриарх так себя не ведет. На что предстоятель Церкви ему сказал: «Ты, отец, судишь со своей колокольни, а я — со своей». Патриарх Тихон избрал другую тактику, за которую его, может быть, осуждали многие. Но он, богомудрый старец, понимал, что ему надо спасти церковный корабль! Поэтому шёл на компромиссы, которые другим казались совершенно невозможными.

Да, между игуменом и послушником есть дистанция, которая подчас не позволяет им понять друг друга. Оптинский старец Исаакий любил говорить о себе: «Игумен, да не умен». О ретивых и амбициозных братьях изрекал: «Умен, да не игумен».

— Когда вы уже переехали в Одессу и там начался ваш путь настоятельницы, как удалось справиться с таким явлением, как абсолютная власть?

— Я крайне благодарна матушке Маргарите и, в первую очередь, Господу за то, что побыла, так сказать, солдатом, поела солдатской баланды, померзла в окопах, что мимо меня летели шрапнель и пули, что шла на амбразуру. Потому что опыт простой послушнической жизни мне крайне помог. Это бесценный опыт!

Поверьте, говорю истинную правду: я игуменья, но суть у меня послушница. До сих пор мне часто снится сон, он повторяется в раз-

ных вариациях, но в главном одинаков. Что я — послушница, находясь на послушании в Покровском монастыре, что игуменья у меня матушка Маргарита (первый монастырь, первая игуменья — это всегда святое) и что вечно не слушаюсь. Работаю на кухне, мою горы посуды. Бегаю с вениками, подметаю пол...

Игуменья с душой послушницы... И когда вижу любую из сестер нашего монастыря, тут же ставлю себя на ее место. Для того чтобы действительно понимать сестру, которая работает на кухне, в скотном дворе, в церкви, важно иметь этот опыт. А матушка игуменья меня по всем послушаниям волочила: я была и на просфорне, и в швейной, и на клиросе, и на трапезе, и в огороде. И туалеты мыла. Кстати, повод для гордости (не гордыни!) — так делал Иоанн Дамаскин.

— **Может показаться безрадостным всё это...**

— Помню, как перед Пасхой на Страстной неделе мы на кухне пекли куличи, яйца красили — огромное было количество работы. Поверьте, перед Пасхой кухня в монастыре — это что-то неимоверное! И вот иду после всего в храм, совершенно без сил, убитая. Еле ноги приволокла и настолько была физически истощена, что просто вырубилась в углу.

Воскресение Христово, служба праздничная, пение прекрасное, всё великолепное, а я сижу, глаза не могу открыть.

После пасхальной заутрени, в таком же состоянии души, еле-еле тяну ноги, ползу в свою келью. А я уже обитала с этой старушкой, с клопиками. На душе вместо пасхальной радости — безумная усталость и опустошенность. Думаю: что же со мной такое? Доплелась до кельи, открываю дверь. А келья небольшая, сразу напротив двери — окно. И что же? На подоконнике росла домашняя лилия в горшочке. Уходя, я видела, что вазон был зеленый.

После заутрени лилия распустилась, расцвел один цветочек — белоснежный, как звездочка... Захожу, эта светящаяся искра смотрит мне в глаза! С души в одну секунду схлынула вся гора уныния и усталости! Я почувствовала такую неимоверную пасхальную радость, что словами этих эмоций просто не передать!

Да, Бог за монашеские мучения (поистине, жизнь монашеская — это мученичество) вознаграждает так, как мирскому человеку совершенно не понять.

— **Матушка, простите, а зачем такое количество работы? Какая необходимость так убиваться?**

— Объясняю. Покровский монастырь, как, впрочем, и все обители, выживал с большими трудностями. Мы, монахини, послушницы, мало того что содержали сами весь монастырь, так его еще и строили.

Помню, в 1981 году сгорела крыша на Никольском соборе. Я как раз в ту ночь работала в больнице. Была жутчайшая гроза. Мои товарки, девчонки-санитарки, забились в одну из пустых палат и вопили: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Представляете? Комсомолки...

Самого пожара я не видела. Утром прихожу в монастырь — кругом гарь, пожарные бегают. А одной моей подруге-послушнице кто-то из пожарных сказал: «Вот за грехи ваши Бог вас наказал». И она ему: «Да, вы правы, за наши грехи». Искренне так сказала...

Мы сами реставрировали этот собор, работали день и ночь. Лазили на огромную высоту, таскали тяжеленные ведра с углем, который остался от сгоревших балок, разгружали кирпичи. Семь огромных машин с прицепами, в каждой два кузова, то есть 14 огромных кузовов мы разгрузили, дюжина молодых девчонок.

Казалось бы, для чего такой мазохизм? Но мы не роптали, трудились самоотверженно. Красили, белили, многие строительные работы вели. Причем на лесах, на большой высоте. О здоровье не думали. Как Павка Корчагин на узкоколейке. Наверное, нынешняя молодежь даже не знает, кто это такой. О нас в шуточку можно сказать: так закалялась сталь.

Или, например, в Одессе. В 1993 году мы пришли в монастырь, который был полностью разрушен. В этом, кстати, я матушку игуменью Николаю в Малоярославце хорошо понимаю, у нас с ней одинаковая стартовая ситуация. Мы с сестрами и металл таскали, и бревна, и камни, восстанавливая святыню своими женскими руками. Отстроили храм, отреставрировали здания, построили музей, четырехэтажный дом милосердия, скит, учебные корпуса и так далее. Работали с огромной любовью. Это было счастье для нас!

Когда ты у игумении в паршивых овцах ходишь — это очень травмирует

— **Сколько у вас в Одессе сестер сейчас?**

— Около 120-ти.

— **Ого! Как вы справляетесь с ними?**

— Монастырь — четко отлаженная систе-

ма. В каждой обители есть благочинная, казначей, экономка, главная церковница, эклисиарх и прочая — каждая сестра трудится на своем месте.

В монастырях сейчас работы навалом, только успевай. Проблема, когда сестры болеют и работать не могут, а у начальника сердце разрывается: некому выйти. За что меня матушка Маргарита наказала, на поклоны поставила? Я не вышла на кухню в свой день, и меня некем было заменить. То ли приболела, то ли куда-то отлучилась... Тогда обидно было, но теперь, как игуменья, понимаю, что получила по заслугам. Ведь кто же сварит для огромной братии? Все голодные останутся!

— **Есть такие вещи, из опыта вашей послушнической жизни, которые вы в своем монастыре не используете?**

— Например, у нас нет традиции откровения помыслов. Мой скромный опыт подсказывает, что в женском коллективе это не всегда идет.

Когда-то матушке Маргарите я тоже открывала помыслы. Я очень её любила, очень ей доверяла, даже доходило до того, что бегала за ней — так хотела общаться, такой был порыв. Но потом стала замечать пристальные взгляды с ее стороны. Она поняла, что я неуправляемая, могу что-то такое выговорить — сама же ей об этом и рассказала. Как администратор, она опасалась, чтобы от моих действий не было негативных последствий.

Её отношение ко мне резко поменялось. Ага, думаю, раз так... И тут же закрылась. Когда матушку встретила, делала благообразное лицо, всячески давала ей понять, что я очень хороша.

Был случай, когда я донесла ей на одну сестру. Да, такое у нас практиковалось. Вероятно, это был способ держать контроль над нашей монастырско-комсомольской ордой.

Ночью не могла спать. Совесть горела огнем. После этого не доносила никогда ни на кого. Молчала, словно Зоя Космодемьянская. Увы, моя репутация еще более пошатнулась. Но не жалею. До сих пор убеждена, что была права.

А помыслы открывала на исповеди. Для нас, молодых, но слишком умных, главным и незбытым был принцип тайны исповеди. Мы ни за что не хотели, чтобы о наших грехах и недостатках знала матушка игуменья. Это не стыдливость. Если тайна исповеди соблюдена, можешь рассказать все как на духу. Тем более что священник получает при хиротонии особую благодать. В том числе благодать нести человеческие грехи.

По себе знаю и чувствую, что не имею благодати беспристрастно воспринимать чужие грехи и немощи, потому что сама духовно немощна и больна. Слава Богу, в Одессе много старцев, есть где и у кого лечиться.

Был у нас в Покровском батюшка, довольно простой в общении. Никогда не осуждал, говорил с нами на равных. В общении с ним мы находили большое облегчение: он многое объяснял адекватно, просто и доходчиво. Придешь к нему, покаешься, он будто по полочкам всё разложит, и глаза у тебя открываются. Кстати, он был из белого духовенства.

Святые отцы пишут, что игумен не всегда может быть духовником братии, совмещать и настоятельство, и духовничество.

Быть духовником, старцем, старицей — своего рода призвание. Не каждому оно дано.

Что ещё я вынесла из опыта послушницы — любить надо каждого ровно и никому не отдавать предпочтения. В силу моего характера матушка Маргарита меня не очень жаловала, и мне было это очень обидно. Когда ты так любишь свою игуменью, уважаешь ее, но в паршивых овцах ходишь, это очень травмирует.

Нельзя сестрам показывать, как к ним в глубине души относишься. Наверное, игуменья своих эмоций вообще не должна выдавать. Скажу честно: это трудно; но нельзя, чтобы какая-либо сестра подумала, что она хуже, чем другая. В многодетной семье, это общеизвестно, когда мама или папа отдает предпочтение кому-то из детей, остальные просто истерикой заходятся.

Преподобный Серафим Саровский говорил одному игумену, наставляя его: «Ты должен быть не отцом братии, а матерью». И это он говорил мужчине, для мужского коллектива!

Великая тайна — быть матерью для всех. Надо очень потрудиться, чтобы соответствовать словам преподобного Серафима.

— **Как вы справляетесь с послушницами, которые имеют сильный характер?**

Безусловно, это проблема. В женском коллективе — особенно. Матушка Маргарита конфликтных сестер селила в одну келью. Есть такие сильные личности, что не могут не подавлять других. Наша игуменья сильных подсадила тоже к сильным. Искры порой вышибались бешеные. Из окон кельи со строптивцами неслись драматические возгласы, это было предметом смеха всего монастыря, но удивительным образом приводило к результату. Клином клином вышибают — оказывается, это хороший психологический прием. Сильная личность поневоле приходила к пониманию, что либо глаз вон, либо надо смириться.

Далеко не все из методов моей наставницы, незабвенной матушки Маргариты, практикуются у нас в обители. К сожалению, ее высота для меня недостижима. Она, например, никогда не сомневалась в своих решениях. А у меня ума не хватает. Много раз в голове прокручу одну и ту же проблему, пока найдется нужное решение.

Быть игуменей — страшная ответственность и, честно говоря, непосильное бремя.

У нас в монастыре стоит икона Пресвятой Богородицы Игумении Афонской Горы — один из главных образов в храме. Игуменский жезл вставлен в эту икону. Я его никогда в жизни даже в руки не взяла...

Перед любым послушанием я, сестры идем к Матери Игумении Богородице, кланяемся, просим у Нее благословения, и Она реально нам помогает.

В безвыходных ситуациях я, как послушница, иду к Ней, падаю и говорю: «Матушка Игуменья, помоги, вразуми...» И всё устраивается.

— **Наверное, если бы так начальствующие в монастырях и рассуждали, не появлялись бы такие произведения, как «Исповедь бывшей послушницы»...**

— Господь сказал: «По плодам их узнаете их». Очень важно судить не по словам, но по делам. Ведь часто бывает, что слова делам не соответствуют, правда же?

— **Да, бывает...**

— Что осталось после Маши? Опустошение, ропот и утверждение, что «Лествица» — проклятая книга. Представить себе не могу — прожить столько лет в монастыре и такую книгу, нашу конституцию монашескую, называть проклятой... Монашество было не её образом жизни, потому что для нас, для монахов, эта книга — святая. Без смирения, которое «Лествица» постулирует, монашество невозможно.

Теперь беспристрастно посмотрим на игуменью Николаю. Я не знаю, какие там порядки, не могу судить, но она возродила из руин прекрасный монастырь, основала монашество скитов, вывела из своего гнезда более двадцати игумений, ведет очень серьезную просветительскую деятельность. Плоды очевидны.

Судить о человеке вот так жестко на основании мнения одной сестры? Пусть и другая сторона выступит, тогда мы сможем узреть объективную картину. На каждого прокурора должен быть свой адвокат.

Еще скажу по поводу Христа и любви. Если бы не было в монастырях Христа, все они уже давно бы рассыпались, просто перестали существовать, понимаете? Ведь действительно: жить в ужасных условиях — таких, например, как Маша пишет, и я сама могу подтвердить, насколько это сурово — невозможно без Христа. Невозможно!

У нас в Одессе рядом, через забор, очень привлекательная жизнь. Парк, море, вода бирюзовая, песочек — все красоты мира... Порог переступила, вышла за ворота и как «в раю» очутилась. Поэтому, если человек живет в таком месте, где все сурово, ограничено, как в казарме, где труд день и ночь, где ты безволен и безгласен — вне Христовой благодати однозначно это невозможно! Но, подчеркиваю, в монастырях люди добровольно живут, сами сознательно избирают этот путь!

Вот я — пришла в монастырь из комсомола, с танцплощадок. Была такой же, как и все, ходила на танцы, красилась, очень любила фильмы, светскую жизнь, любила своих друзей, одноклассников.

Попадаю в монастырь, с куцыми семнадцатилетними мозгами. Честно говоря, совсем не была готова к такой жизни. И вы знаете, весь мой 35-летний опыт нахождения в этой так называемой «тюрьме» говорит о том, что если человек это делает ради главного — ради Христа, всё остальное становится мелким, несущественным.

Ты получаешь от Христа, поскольку Ему служишь, необыкновенную благодать, необыкновенную радость. Понять это может только верующий человек.

Как Маше это всё объяснить? Мне её очень жаль. Чувствую, что девочка она начатанная, грамотная. Но, поверьте, истинный монах никогда в жизни не скажет про монастырь, что это ад. Для него мир — ад, а монастырь — рай!

Дорогая Маша! Твоя боль — это моя боль

— **И буквально два последних вопроса. Люди ищут в Церкви, в монастырях, в храмах любви Христовой, духа взаимоуважения и поддержки, а часто встречают только хамство и нравоучительство. Что бы вы могли сказать тем, кто столкнется с таким и испытывает разочарование?**

— Помню, я работала в Митрополии, а митрополитом Киевским был тогда Филарет, который сейчас в расколе, анафематствован. Каждый раз я возвращалась опустошенная, безумно уставшая, работать там мне было очень тяжело. Духовно тяжело. И у кого я

находила утешение? У основательницы Покровского монастыря, ныне прославленной в лике святых царственной инокини Анастасии (из Дома Романовых). Приходила к ней на могилку, она похоронена прямо на территории обители, и разговаривала с ней, как с живой, жаловалась, просила помощи. И знаете, она удивительным образом всё разрешивала, как сейчас говорят, и помогала.

Поэтому если кто действительно страдает от мелких или больших искушений, пусть идёт к Настоятельнице — к Божией Матери, к святому угоднику — покровителю монастыря, просит помощи. Не нравится игуменья, начальство — не беда. Ведь есть Кому пожаловаться! Неожиданным образом эта помощь обязательно придет.

— **И ещё... Матушка, надо признать: «Исповедь бывшей послушницы» многих расстроила. Люди действительно испытывают огорчение, что такое есть. Что бы вы могли сказать тем, кто переживает и унывает после всего прочитанного?**

— Когда идет судебное заседание, если послушать адвокатов, то их подзащитные — просто ангелы. Если слушать прокуроров, то — злодеи несусветные. Две крайности. Но судья слушает одну сторону, затем другую и выносит свой вердикт. Так издавна повелось.

Маша выступает как некий прокурор — и мы её выслушали. Нужны ли адвокаты? Конечно, нужны. К слову сказать, подчас у некоторых монастырей и некоторых игуменов адвокатом становится Сам Бог.

В монастыре, который описывает Маша, чрезвычайно строгий устав. Но есть те, которые ищут именно такой строгости. Мне некоторые сестры говорили: «У вас, матушка, слишком мягкий устав, вы мягкая игуменья, а я хочу подвигов, хочу подвизаться, как мученица ради Христа. И пойду в тот монастырь, где всё очень строго». И действительно уходили в такие монастыри и чувствовали там себя счастливыми.

На Афоне очень суровый устав. В Киеве первые монахи вообще в пещерах жили.

В каждом монастыре — свой устав, и если ты не можешь, не хочешь его терпеть, ищи другую обитель. Да, есть люди, для которых «Лествица» — настольная книга, у них души закаленные, они хотят ради Христа кровь проливать, бороться с миром, плотью и дьяволом.

Есть прекрасная фраза в Священном Писании, слова Самого Христа: «Дерево, которое не Отец Мой насадил, искоренится». Дерево монашества посажено две тысячи лет назад и за это время не иссохло, но цветет пышным цветом, дает плоды святости — необыкновенные, потрясающие плоды святости.

Монастыри взрастили огромное количество преподобных жен, мужей, и даже советская власть, которая ненавидела и люто их истребляла, ничего не смогла с монашеством сделать. Как монахиня, я бесконечно благодарю Бога, что принадлежу к этой когорте людей, и не просто считаю, а знаю, что сие древо — от Бога, и искоренить его невозможно.

— **Ещё говорят, что монахи, священники бесправны перед начальством. Что вы можете сказать?**

— Дело в том, что настоятели и архиереи — это те же монахи, они тоже прошли школу послушничества.

Мой многолетний опыт говорит, что дедовщины, выражаясь армейским языком, в монастырях нет. Всё зависит от внутреннего взгляда, от того, с какой колокольной ты судишь, по Евангелию: «Если око твоё черно, то все вокруг тебя будет черно. Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?»

Если любишь свое дело, всё видишь в другом свете. Да, разные случаются искушения. Но есть в Церкви принцип — беспрекословного подчинения меньших старшим. И на кафедре в епархии, где священники должны подчиняться архиерею, и в монастырях, где монашескую послушность слушаются игумена. Так Церковь живет со времен Самого Христа. И будет так жить до скончания века.

Мы, монахи, сами отдаем себя в руки игумена. Более того, при постриге мы перед алтарем добровольно даем обет беспрекословного послушания, наряду с обетами нищеты и целомудрия. Для мира — безумие! Нонсенс!

Когда мир судит нас по своим законам, нам действительно трудно оправдываться. Мы живем в разных системах, разных измерениях.

Пусть Бог рассудит. Хочу обратиться к Маше. Вспоминаю Блока: «Любовью, грязью иль колесами она раздавлена — все больно».

Дорогая Маша! Твоя боль — это моя боль. Ты — это один из вариантов моей судьбы. Но запомни главное — ты с Богом! Он тебя никогда не оставит.

Для нас, служителей Церкви, судьба святой обители и судьба христианской души равноценны. Если ты позволишь, мы, твои сестры во Христе, будем за тебя молиться. Прости и отпусти!

Интервью взяла
Юлия КОМИНКО.